

Лун Сяюань забрался на гору с теньевыми стражами. Каждый из них взял на спину по одному из пострадавших, в то время как император забрал Ши Цинчжоу. Со своими ношами они аккуратно направились к подножью ненадежной возвышенности. В пути свободные от ноши стражи хотели помочь правителю, но тот остался неумолим. Сам всматривался в дорогу и, крепко прижимая к себе возлюбленного, смотрел на остальных волком.

У подножья Лун Сяюань позволил себе немного расслабиться и едва не свалился от перенапряжения. Уложив императрицу в повозку, правитель пошатнулся и едва не рухнул на землю. Ситуацию спасли верные подчиненные, которые неустанно следили за своим монархом. Ин Вэй взял на себя смелость отвезти правящую чету в ближайший город, на постоянный двор, в котором во имя безопасности и сокрытия тайны арендовали все комнаты. Это стражу показалось более надежным вариантом, чем жизнь в особняке местного правительства.

Постояльный двор не блистал изысками, но вполне отвечал поставленным в нынешнем положении требованиям. По прибытии к небольшому двухэтажному зданию, Лун Сяюань отчасти пришел в себя и вновь взял на руки Цинчжоу, лично занося возлюбленного наверх. Вид воина оставлял желать лучшего. При взгляде на него у императора сжималось сердце. Поэтому первым же приказом монарх велел привести к нему лучшего городского лекаря.

Ин Вэй исполнил приказ, но пришедший на помощь старик не оправдал ожиданий монарха. Его сморщенное от старости лицо осунулось, а кустистые брови сошлись на переносице.

— Что с ним? — не выдержал молчания лекаря Сяюань.

— Лихорадка спровоцирована истощением и растяжением связок. Она с легкостью поддастся лечению, однако в теле этого молодого человека засел яд. К сожалению, ничтожный не состоянии понять его природу и вывести. Мне очень жаль.

Лекарь оставил лекарство от ран, несколько жаропонижающих сборов и ушел, оставив Лун Сяюаня наедине с тревогами. Император судорожно придумывал план возвращения во дворец, как вдруг Ин Вэй привел в комнату императорского лекаря Чжан Юаня.

По обыкновению, лекарь не покидал надежных стен запретного города, но предусмотрительный Ши Циншань выслал его из столицы спустя три дня после отъезда императора. С юным извозчиком и парой не самых задорных лошадей путешествие лекаря стало небыстрым. Он постоянно останавливался на постоянных дворах и по случайности свернул к воротам сего поселения ради ночлега. Повезло, что бдящие теньевые стражи признали лекаря и привели к императору, когда это по-настоящему необходимо. В конце концов, императорские лекари обучены лучше своих вольных коллег.

Чжан Юань быстро опросил монарха, после чего приступил к обследованию императрицы:

— Ваше Величество, не волнуйтесь, — на выдохе, весьма уверенно заявил Чжан Юань, — я могу вывести яд из тела Ее Светлости.

— Хорошо, — наконец-то, выдохнул мужчина. — Хорошо, что с этим можно работать, но что это за яд?

Лекарь серьезно подумал, видимо, пытался подобрать слова перед рассказом:

— Ваш покорный слуга уже встречался с ним в прошлом. Несколько лет назад лечил пациента с точно таким же отравлением. Как выяснилось позже, несчастный тоже пережил обвал и какое-то время провел под землей. Его кожа впитала яд из земли. Что дает ядовитое

сочетание, мне неясно. С местной землей что-то не так. В прошлом я не смог спасти того несчастного, но мне удалось изучить его тело и пропитавшую кожу токсин, поэтому на этот раз мне удастся избавиться от него Ее Светлость.

Донельзя уставший Сяююань едва заметно улыбнулся:

— Что ж, в таком случае, мне придется побеспокоить лекаря Чжана.

— Что вы, Ваше Величество, для меня это честь.

Лекарь приступил к работе, написал на бумаге внушительный список трав, которые ему доставили теневые стражи, после чего стер их в порошок, который рекомендовал частями растворять в ванне. Уверил, что несколько лекарственных ванн вытянут из кожи императрицы отраву.

Лун Сяююань лично занялся делом. Не дал посторонним коснуться генеральского сына. Позволил слугам натаскать в бочку горячей воды, после чего закрыл дверь в комнату, помог Ши Цинчжоу раздеться и с надеждой и сомнением взглянул на пахнущую травами воду. Лекарь сказал, что выведение яда вещь не из приятных, поэтому, опустив возлюбленного воду, император отчасти с облегчением, отчасти с болью смотрел на то, как кривятся губы молодого человека.

Не в состоянии разделить с императрицей боль, Лун Сяююань опечалился и прошептал:

— Потерпи, Цинчжоу, это лечебная ванна будет тебе полезной. Я рядом, я вместе с тобой.

Ранее Лун Сяююань спросил врача, что лекарственный настой может сделать с не подверженным отравлению человеком. Лекарь с сомнением уверил — все будет в порядке, но по взгляду старика монарх понял — ему может стать дурно. Однако не это сейчас беспокоило мужчину. Он стянул с себя верхнее платье и решительно залез в бочку, поддерживая Ши Цинчжоу собственным телом.

Для Лун Сяююань лечебная ванна оказалась просто горячей, да и аромат смеси оказался горьковатым на привкус, но в остальном он не почувствовал дискомфорта. Чего нельзя сказать о Ши Цинчжоу. Воин нахмурился, а кожа его значительно покраснела. Император, взяв легкую свежую тряпицу, аккуратно промокнул покрывшийся испариной лоб возлюбленного. Монарх тихо что-то рассказывал, уговаривал Цинчжоу не противиться лечению, но ни одно его слово не получило ответа.

Лишь спустя долгих полчаса генеральский сын перестал дергаться и кривить губы. Лун Сяююань замер, и вдруг веки возлюбленного дрогнули. Император затаил дыхание, вглядываясь в лицо супруга. Он не понимал, стало Цинчжоу легче или это настой не дал нужного эффекта, но боялся двинуться и потревожить воина.

Зрачки под веками императрицы начали двигаться, а через несколько мгновений та и вовсе робко открыла глаза. Лун Сяююань пришел в восторг:

— Цинчжоу!

Генеральский сын ошалело посмотрел на супруга. Видимо, зрение не сразу пришло в норму и какое-то время лицо императора виделось ему размытым пятном, но вскоре помутнение ушло, и воин четко увидел встревоженного императора.

— Лун... Лун Сяюань, — прохрипел Цинчжоу.

— Да, это я! Я! — монарх взял возлюбленного за руку и поцеловал тыльную сторону ладони. — Ты в порядке? Как ты себя чувствуешь?

— Я... в порядке, — императрица огляделась. — Где мы? Что происходит?

— Ты до смерти меня напугал, Цинчжоу, — утыкаясь в плечо возлюбленного носом, прошептал правитель. — Когда мы тебя нашли, у тебя был жар. Ты не приходил в сознание.

Припоминая причины своей хвори, воин горько усмехнулся:

— Вот уж не думал, что столкнусь с оползнем.

Лун Сяюань только крепче обнял супруга:

— Я в самом деле чуть не умер, когда узнал, что с тобой случилось. Ты сильно меня напугал.

Видя, что император не кривит душой и в самом деле напуган, встревожен и полон беспокойства, Цинчжоу немного сжалился:

— Прости меня. Я заставил тебя волноваться, но я в порядке, правда.

— Идиот, — злобно глянул монарх. — Какой теперь смысл в извинениях?

Ши Цинчжоу, удобно устроившись на груди возлюбленного, ответил приглушенным смехом.

— Как ты себя сейчас чувствуешь? Где-нибудь болит? Ты и теньевые стражи были отравлены, никто из вас не мог двигаться. Попробуй сейчас, посмотри, сможешь ли справиться с телом, — поспешил с пояснением Сяюань.

— Хорошо, — воин проверил подвижность ног, рук. — Я могу двигаться и собираюсь использовать внутреннюю силу, для выведения яда. Тебе лучше вылезти из бочки и выйти из комнаты.

Лун Сяюаню не хотелось оставлять возлюбленного в одиночестве:

— Ты уверен, что все будет в порядке?

— Конечно, — заверил Цинчжоу, — однако я боюсь, что выведенный яд может повредить тебе. Я сам со всем справлюсь, не волнуйся.

Все еще будучи обеспокоенным, Лун Сяюань проглотил слова отказа, ведь он ничем не мог помочь. Лучше он поступит так, как велит возлюбленный, не будет мешаться ему под ногами. Кто знает, вдруг его присутствие как-то помешает практике и принесет больше вреда, чем пользы.

— Хорошо, я выхожу, но ты должен пообещать, что будешь осторожен. И не будешь прыгать выше головы!

Цинчжоу едва заметно улыбнулся:

— Я знаю, не волнуйся, я не буду шутить со своим здоровьем.

Император вздохнул и вылез из воды. Испытывая иррациональный страх, мужчина погладил возлюбленного по голове:

— Я буду ждать за дверью.

— Угу, — кивнул воин, краем глаза наблюдая, как Сяююань подбирает верхнее платье и выходит из комнаты. Оставшись в одиночестве, императрица закрыла глаза и сосредоточилась на детоксикации. Цинчжоу не смел проявить неосторожность не только в своем лечении, но и в окружении. По собственной глупости он полез в горы, по собственной неосмотрительности получил серьезное отравление и теперь не мог позволить несущему крест правления страной супругу слечь хоть на день. Цинчжоу сам со всем разберется.

Лун Сяююань прошел в соседнюю комнату, сменил нижние одежды, после чего приложил ухо к стене. За той было тихо, а значит, Цинчжоу занимается духовной практикой. Мысль о том, что скоро с возлюбленным все будет в порядке, немало порадовала монарха.

Просидев в ванной целый час, Ши Цинчжоу, наконец-то, открыл глаза и вылез из бочки собственными силами. Лун Сяююань услышал всплески и тут же приоткрыл дверь:

— Цинчжоу? Ты как? Все в порядке?

— Да, теперь все в порядке.

Монарх прошел в комнату и оглядел возлюбленного с головы до ног. Цинчжоу и правда выглядел здоровее, лихорадочный румянец ушел, а мышцы окрепли, но император, словно курица-наседка, не до конца успокоившись, помог воину переодеться, после чего укутал того в одеяло, словно в кокон.

Ши Цинчжоу едва не рассмеялся. Он почти оправился, но Лун Сяююань действовал со всей серьезностью. Воин попросту не мог оборвать его добрый порыв, поэтому завернутый и под наблюдением дождался возвращения Чжан Юаня. Благо, что лекарь пришел быстро и незамедлительно приступил к осмотру.

— Очень хорошо, яд выведен, но нужно восстановить здоровье. Я изготовлю две пилюли, они будут вам полезны. После их приема все наладится.

— Хорошо, тогда поторопись и изготовь лекарство, — кивнул Сяююань.

Лекарь поклонился и покинул временные покои правящей четы, а Сяююань присел рядом с Цинчжоу и крепко того обнял.

— Я в порядке, — напомнила императрица, — а здесь довольно жарко.

— Неужели? Так—то на улице дождь, смотри не простудись, — нахмурился император.

— Хорошо, — вздохнул Цинчжоу и перекатился поближе к возлюбленному, после чего хитро добавил. — Кстати, от жары тоже можно заболеть. — Цинчжоу тут же высвободил из-под одеяла руки. Он никогда не любил держать те в тепле шерсти, когда спит, и тем более сейчас, когда спать еще не время.

— Ты голоден? Я попрошу принести кашу.

— Да, голоден, в последние несколько дней мне не удавалось питаться нормально.

Лун Сяюань поник:

— Я не должен был посылать тебя в поход. Должен был пойти сам.

Цинчжоу сел на кровати и сладко улыбнулся:

— Ты не должен так говорить. Я ведь не так уж и беспомощен, а это всего лишь несчастный случай.

Лун Сяюань тоже сел и, подобрав колени, уткнулся в них носом:

— В моем понимании ты очень силен, почти непобедим. Мне все кажется, что какую бы авантюру ты ни затеял — все тебе по плечу, все проблемы будут решены. Кажется, я начал забывать, что ты простой человек, что ты можешь заболеть, травмироваться, что ты не можешь противостоять природе... Цинчжоу, я... — голос монарха сел. — В этот раз я испугался, сильно испугался и пожалел, что не отправился с тобой. Я не должен позволять тебе справляться со всем в одиночку...

— Ваше Величество! — Воин взял супруга за руку. — Не говорите так!

Лун Сяюань поднял на возлюбленного озадаченный взгляд. Не говорить как? Что он такого сказал?

Цинчжоу, не моргая, почти гипнотизируя смотрел на монарха нарочито медленно повторяя свои недавние слова:

— Это был несчастный случай. Ты здесь не при чем, никто в этом не виноват, такое случается. Ты не виноват, понятно?

Император попытался улыбнуться, но вышло натянуто, в какой—то мере некрасиво:

— Не хочешь, чтобы я себя винил?

— Дело даже не в этом, — качнул головой молодой человек. — Мои слова не искажены, они правдивы, в том, что случилось на горе — нет твоей вины. Это просто несчастный случай.

Цинчжоу в самом деле так считал. И лучше уж он попадет под еще один обвал, чем позволит императору рисковать жизнью.

Лун Сяюань долго смотрел на возлюбленного, после чего вздохнул, крепко того обнял и вновь повалился на подушки:

— Обещай, что больше никогда не поранишься. Не могу смотреть на то, как тебе плохо, мне самому становится не по себе...

Мысль о жизни в коробке с ватой немного позабавила воина, но искренний тон императора, заставил генеральского сына подыграть сказке:

— Хорошо, я тебе обещаю.

Монарх, наконец-то, искренне улыбнулся и поцеловал супруга в щеку. Они еще немного поговорили, и император приказал принести кашу. Цинчжоу почти поправился, у него всяко хватило бы сил поесть самостоятельно, но Сяюань, примерив на себя роль сиделки, не позволил воню пошевелиться, сам того кормя. Посмеиваясь над дующим на воду супругом,

Цинчжоу все же тому уступил и послушно съел две миски легкой каши. Большого не позволил бы и сам Сяююань. В конце концов, возлюбленный провел несколько дней без сознания, ничего не ел и не пил, даже легкая пища может повредить его желудок, принесет больше проблем, чем пользы.

Близился вечер. Ши Цинчжоу отдыхал, а Лун Сяююань занялся делами, проверил состояние перенесших отравление стражей. Им несказанно повезло наткнуться на Чжан Юаня, иначе, кто знает, чем бы закончилась эта история. Все стражи шли на поправку, яд был выведен из их кожи. Однако теперь, придя в сознание, подчиненные требовали наказание за то, что не смогли защитить императрицу.

Озадаченный сим моментом, император вернулся в комнату к Цинчжоу и рассказал о требовании:

— И какое наказание я должен им назначить?

— Здесь виновата природа, а не люди, так что наказание должно быть щадящим.

Лун Сяююань немного подумал и кивнул:

— Я последую твоему совету. — Однако про себя император решил повременить с наказанием. Сейчас, вне стен дворца, у них каждый человек на счету. Стражи только вылечились от яда, куда им новые раны. Так что наказание может подождать до возвращения в столицу.

Так и передав нынешнему главе тайной армии, Лун Сяююань отправился спать. Лег рядом с задумчивым Ши Цинчжоу.

— Думаю, завтра можно продолжить поход.

Лун Сяююань скривил губы, но кивнул:

— Почему бы и нет, но пойду я, а ты будешь отдыхать.

— Нет! — нахмурился воин. — Не забывайте о своем статусе, Ваше Величество! Мне уже куда лучше, пойду я.

— Лекарь Чжан сказал, что до полного выздоровления тебе не хватает пары лекарственных пиллюль. Ты все еще бледен, все еще слаб. И говоришь, что в порядке?

— Это всего пара восстанавливающих лекарств, — беспомощно вздохнул генеральский сын. — Я могу взять их с собой.

— В этом вопросе я не пойду тебе на уступки. Ты будешь отдыхать здесь на постоялом дворе, — решительно заявил Сяююань.

— Нет! Императору нельзя подставляться. Если что-то пойдет не так, твоя личность будет раскрыта, все дело может развалиться! — стиснул зубы Цинчжоу.

— Ах ты!.. — сон как рукой сняло, Лун Сяююань пристально, выжидающе смотрел на собеседника, прежде чем выдать. — Я император!

— Да, я помню, а ты уверен, что хочешь прибегнуть к этому аргументу?

— Ты... — Тело Сяююаня подрагивало от гнева, но Цинчжоу смотрел на него так, что

становилось не по себе. — Ладно, идем вместе, — поиграл бой император.

— Нет, — все никак не шел на компромисс Цинчжоу. — Ты останешься на постоянном дворе и будешь ждать новостей.

— Цинчжоу! — в ярости выкрикнул монарх.

Воин не шелохнулся, все также пристально смотря на супруга. Смотрел без страха, упрёка, но с непоколебимой решимостью.

До крайности раздраженный, император завернулся в одеяло и отвернулся к стене, спиной к упрямому, не знающему, что для него благо, возлюбленному, намеренно того игнорируя. А Ши Цинчжоу, наконец-то, смягчился. С любовью смотря на заботливого, но, кажется, не до конца осознающего свой статус супруга. Сколь бы Цинчжоу ни хотел провести с ним больше времени, брать монарха с собой он не собирался.

Сяюань ждал, когда любовник смягчится и даст добро на совместный поход. Ждал и намеренно не закрывал глаза, не позволял себе провалиться в дрему. Он был уверен, что Цинчжоу его послушается, смирится с его маленьким капризом. Он ждал. Ждал и ждал, пока за окном не начало светать. Усталость сломила упрямство и император провалился в сон, а когда проснулся то едва не воспламенился от гнева. Ведь вторая половина кровати была пуста и холодна. Судя по всему, Цинчжоу ушел на рассвете, как только Сяюань начал дышать глубже и ровнее.

Император пришел в такую ярость, что едва не разгромил комнату.

— Чжан Юань! — рыкнул правитель.

На окрик прибежали теньевые стражи:

— Ваше Величество, лекарь Чжан отправился вместе с Ее Светлостью.

— Что? Ушли вместе? — гнев монарха начал стихать.

— Да.

— Сколько стражей взяла с собой императрица? — все еще скрежетал зубами мужчина.

— Десять воинов и лекаря.

Император все еще хмурился, но отметил, что на этот раз Цинчжоу озаботился охраной. Взял с собой куда больше надежных людей и лекаря, чтобы позаботиться о своем здоровье. Мысль о том, что возлюбленный хоть отчасти внял его словам, успокаивала. Лун Сяюаню не оставалось ничего другого, кроме как махнуть рукой на это дело.

— Пусть так, пусть кто-нибудь принесет мне завтрак.

— Хорошо, Ваше Величество, подчиненный удаляется.

Дверь за стражем закрылась, и Лун Сяюань обернулся к кровати, к холодной второй половине. И гнев с новой силой разгорелся в сердце. Кажется, его возлюбленная императрица, начинала терять субординацию, перестала принимать своего мужа всерьез! Как Цинчжоу посмел ослушаться императорского приказа?! Как осмелился действовать без разрешения?!

Лун Сяююань кипел от не имеющей выхода ярости. Он понимал, что смелость его императрицы нормальна и даже правильна. Цинчжоу ставит себя на одну позицию с супругом, в позицию равного, а не запертого в стенах любовника. Значит, Цинчжоу ему доверяет, верит настолько, что позволяет себе не прислушиваться к словам супруга.

Вопреки мыслям Цинчжоу, Сяююань понимает, что любой его выход сопряжен с опасностью. Как императору, ему нельзя появляться на людях в открытую, нельзя провоцировать противников империи. Если кто-то узнает о том, что Его Величество покинул столицу, начнется охота за его голову и трон.

Увы... Лун Сяююань преисполнился коктейлем из печали, злости и радости. С одной стороны, хорошо, что императрица больше не относится к нему, как к чужаку, с другой, хорошо ли что Цинчжоу относится к нему, как к должному? Дошло до того, что игнорирует его слова!

Вскоре императору принесли завтрак. Лун Сяююань переоделся в дневное платье, сел за стол и лениво взял палочки. Повар расстарался, каждое из поданных блюд выглядело отменно и источало приятный аромат, но, сколько бы монарх ни ел, вкуса не чувствовал. Еда наполняла его желудок, не более. Трапеза превратилась в пытку, и Сяююань отложил палочки. Приказал прибраться.

Ожидание оказалось тяжелее, чем можно себе представить.

У императора пропало всякое желание выходить из комнаты. Он заперся, прилег и задремал. Неожиданно провалился в сон, где увидел себя прежнего. Увидел то, что произошло после его смерти. Мама нашла его в комнате, упала на пол и горько заплакала. Отец пришел на шум и долго утешал супругу. Младший брат держался лучше, до белизны костяшек сжимая кулаки.

Сяююань увидел собственные похороны. Видел толпу перед гробом, видел, как брат, словно в трансе стоял ближе всех. Видел, как его тело опускают под землю, как родители жгут для него ритуальные деньги.

— Брат... знаешь, я тут подумал, — прохрипел юноша. — Было бы неплохо, если бы души могли перерождаться. Надеюсь, что в новой жизни ты получишь здоровое тело, сможешь делать все, что пожелаешь, сможешь бегать, прыгать, есть все, что тебе нравится и не думать о постоянных лекарствах.

Сяююань проснулся в слезах. Подскочил и огляделся. Он все еще в комнате постоянного двора, в романе...

— Не беспокойся брат, я переродился в хорошем теле, могу много есть, могу бегать, могу прыгать и даже заниматься боевыми искусствами. Не волнуйся обо мне... младший брат...

Император невидящим взглядом уставился на собственные ноги, неожиданно понимая, что ему не хватает своих родных, своих настоящих родных. Сейчас он здоров, и пусть у него нет близких родственников, он сумел найти свою настоящую любовь.

Интересно, если бы его младший брат узнал, что у него есть невестка мужчина, то расстроился бы или обрадовался? Лун Сяююань не мог предугадать. Одно он знал точно, ему уже никогда не увидать ни младшего брата, ни родителей... И от этого кошки на душе скребут.